

ГЛАВА 1

Очень много денег заработает человек, который сделает женскую сумочку с фонариком, откроешь ее, а внутри вспыхивает свет.

Я вздохнула и продолжила рыться в ридикюле. Расческа, конфетка, пудреница, пачка носовых платков, штопор... А он откуда? Как этот предмет попал в мою сумку? Я, писательница Арина Виолова, или просто Вилка, не страдаю профессиональной болезнью литераторов. Только не подумайте, что я имею в виду артрит, который поражает суставы рабочей кисти из-за того, что человек постоянно ею пишет или стучит по клавиатуре компьютера. Многие поэты и писатели проводят свое время в компании с горячительными напитками. Вот они не удивятся, найдя у себя в портфеле штопор. Но мне-то он зачем? Сзади раздался нервный гудок. Я отложила сумку, отпустила педаль тормоза и медленно двинулась вперед. Через пару секунд снова раздался резкий гудок, но теперь он летел слева. Я повернула голову и увидела, что рядом едет новая иномарка. Водитель с лицом интеллигентного человека, в очках, сделал

движение рукой. Я сообразила, чего он хочет, опустила стекло и улыбнулась.

— Добрый день. Могу вам чем-то помочь?

— Да, — завопил незнакомец. — Ты... мужика... тачку от мужика... за... получила! Теперь научись, ... ездить!.. У автомобиля есть педаль газа!.. Не... спать за рулем. Люди на работу спешат! Не все, как ты, ..., под одеялом пашут. Некоторым надо по часам к станку становиться!..

Произнеся сей спич, водитель рванул вперед. Несоответствие его внешнего облика и поведения меня ошеломило. Хотя почему я жду грубости от бомжа, который клянчит денег на бутылку, и думаю, что мужик в костюме и при галстукe, да еще в очках, непременно читает на ночь Чехова и извиняется перед кошкой, если случайно наступит ей на хвост? Бездомный вполне может оказаться вежливым человеком, а господин в пиджачной паре — грубияном.

Я перестроилась в левый ряд. Наверное, у злобного дядьки какие-то неприятности, он не справляется с эмоциями, вот и плюется гневом на всех. Жалко его окружающих. Ну вот почему кое-кто, увидев на шоссе женщину в красивой машине, норовит обозвать ее шлюхой? Разве только те, кто профессионально занимается сексом, могут заработать на симпатичную малолитражку? Я купила автомобиль на деньги, которые мне заплатило издательство. И если спросить у тех дам, что рулят неподалеку от меня, как они приобрели тачки, то большинство

ответит — взяла кредит. Но даже если вам машину подарил любимый, что в этом плохого? Настоящие мужчины с удовольствием делают презенты своим женщинам, чтобы их порадовать. Вот я, например, обожаю, когда Степан приходит домой с подарком, но это не означает, что я живу с ним ради его подношений. И, если уж совсем откровенно, кое-какие покупки мужа бывают чрезмерно оригинальными. Я ухмыльнулась, вспомнив, как Степа притащил мне ручку. Производители обещали, что она не требует заправки и прослужит... Мой взгляд случайно упал на часы, и я нажала на педаль газа. Потом предамся воспоминаниям, надо поторопиться, нельзя опаздывать.

Сегодня у меня ответственный день. В театре «Семь гномов» решили поставить пьесу по моему роману. Я спешу на встречу с главным режиссером, а заодно владельцем театра, и ведущими актерами.

Перед капотом появились железные ворота. Несколько минут я провела перед ними, потом нажала на гудок. Из будки вышел охранник.

— Вы куда?

— В театр «Семь гномов», — отрапортовала я.

— Да? — удивился парень. — Здесь есть та-кой?

— Это завод «Можпышмаш», — ответила я, — там есть цех по изготовлению сковородок. Так объект назывался в советские годы. Сейчас это «Творческий комплекс. Лучшая сцена». Те-

атр находится в помещении, где ранее производили кухонную утварь.

— Погодите, — велел секьюрити и исчез в будке.

Спустя пять минут я набрала телефон Сони Качкиной, начальницы департамента пиара и рекламы издательства «Элефант», и пожаловалась:

— Я приехала по твоей просьбе в театр. Но меня не пускают на территорию.

— Подонки! — завопила Софья.

У Качкиной мать эстонка, а отец из Бразилии. Три дня в неделю Сонечка апатична, медлительна, говорит долго и невнятно. Еще трое суток она громогласна, возмущается по каждому поводу, летает на метле под потолком издательства. Какова Качкина в воскресенье, понятия не имею, мы с ней общаемся только по службе. Возможно, в свой единственный выходной она до обеда эстонка, а потом бразильянка. Или наоборот. Лично я сразу понимаю, кто она сегодня. Например, Соня встречает меня на пороге своего кабинета, держа в одной руке чашку с кофе, в другой телефон, и говорит: «Привет, Вилка! Алло, вы тут? Быстренько посчитайте остатки книг Петрова на складе. Хочешь чаю? И проверьте фантастику. Чем могу помочь тебе, дорогая?» То есть если Качкина одновременно ведет два разных разговора, пьет капучино, ест булку, подписывает документы, то она сегодня явно из Бразилии. А вот когда

Сонюшка сидит за столом и, обхватив голову руками, ноет: «О-о-о! Разве можно успеть подписать за два дня поздравление с днем рождения писателю Петрову», то она эстонка. Сегодня, похоже, в Соне кипел карнавал Рио-де-Жанейро.

— Мерзавцы, гады, я сто раз их предупреждала. Уроды! Сейчас забегают как ошпаренные, — кровожадно пообещала Соня и отсоединилась.

И почти сразу ворота, которые преграждали мне путь, раздвинулись, я въехала во двор и растерялась. Повсюду стояли одинаковые старые здания из красного кирпича, на дороге валялись куски бетона и какие-то железки. Между кучами строительного мусора пробирались прекрасные девушки в мини-юбках и туфлях на невероятно высоких каблуках. Их лица переливались всеми красками макияжа, волосы цвета майонеза поражали замысловатыми прическами. Рядом с нимфами двигались хмурые парни в джинсах, они тащили штативы, камеры, огромные сумки.

Я высунулась из окна и попыталась остановить одну из принцесс:

— Простите, где тут цех сковородок?

— Не знаю, — на ходу бросила она, — у нас фотосессия.

Вторая блондинка оказалась приветливой:

— Бабушка, вы тут ничего подешевле не купите. В поисковике написано «завод», но здесь

ни фига не производят. Ехайте к метро, там есть торговый центр. Удачи вам.

Девушка говорила вежливо, но тоже не притормозила. Я в растерянности посмотрела в зеркало. Бабушка? Еще утром я никак не походила на старушку. Между прочим, глагола «ехайте» не существует, впрочем, как и «едь», сии слова неправильны с точки зрения норм морфологии русского языка. Но поскольку многие жители столицы на вопрос: «Откуда вы приехали?» — возмущенно отвечают: «Да я с Москвы», то не стоит придирааться к девице.

Мимо моей машины прошел парень в темно-синих джинсах и короткой кожаной куртке, он тащил картонную коробку. Я обрадовалась, вот кто, наверное, подскажет мне правильное направление, и закричала:

— Молодой человек! Где цех сковородок?

Парень притормозил и обернулся.

— Ой, — вырвалось у меня, — простите... э... коробка... я думала, что вы... ну...

— В нашей стране равноправие, — спокойно ответила женщина, — слабый пол тоже таскает тяжести.

— Не хотела вас обидеть, — смутилась я.

— Наоборот, сказали комплимент, — улыбнулась тетушка. — Если в моем возрасте со спины я похожа на юношу, это радует. Не разожралась я до состояния заматерелого бизона. Знаю, где сковородки клепали, там теперь театр «Семь гномов». Езжайте вперед до красного здания

с желтыми окнами, там направо триста метров, по диагонали через площадь в ворота, налево три раза...

— Простите, вы, случайно, не туда идете? — осведомилась я.

В ту же секунду к моей стройной собеседнице приблизилась молодая дама и строго сказала:

— Вера, немедленно идите к Анне Сергеевне. Она давно вас ждет.

— Так на склад всегда Раиса Николаевна ходит, — стала оправдываться Вера, — я не знала, где вход в него. Еле нашла. Думала, что ваша мама, как всегда...

Дама прищурилась.

— Мама не носильщик. Для черной работы наняты вы. Госпожа Горкина слишком ответственна, поэтому работает за вас. Шагом марш к Анне.

Вера было открыла рот, но дама, сделавшая ей выговор, быстро удалилась.

— Слышали? — возмутилась Вера. — Я ей что, крепостная девка? Лена вообще хамка, но сегодня даже превзошла себя. Раиса всегда говорит: «На складе расходники беру только я! Они денег стоят». Никогда меня туда не посылали. А сегодня Елена вошла в комнату и как заорет: «Вера, живо за гримом и всем остальным по списку». Сунула мне бумажку, сама унеслась, ничего не объяснила. Вот почему Раиса не пошла? Елена Горкина, ведущая актриса, ее отец, Никита Сергеевич, основатель и главный

режиссер театра, Раиса, ее мать, директор. Да, я иду в сторону нужного вам здания.

— Давайте вас подвезу, — обрадовалась я.

— Не стану отказываться, — улыбнулась моя собеседница.

ГЛАВА 2

— Может, начнем совещание? — предложила я. — Кого мы ждем?

— самого главного, — нежно пропела симпатичная девушка с кудрявой головой, — Никиту Сергеевича, нашего режиссера. Скорей всего, его дела задержали. Обычно Горкин никогда не опаздывает.

Тощий парень, который сидел рядом со мной, хихикнул, тут же замаскировал смешок кашлем и предложил:

— Может, познакомимся? А то ведем себя как совы при луне. Каждая на своей ветке, молчим, моргаем.

— Отличная идея, — согласилась я, — меня зовут Виола Тараканова. Под псевдонимом Арина Виолова я пишу детективы.

— Актер Ленинид Тараканов — ваш муж? — спросила полная женщина в красном платье.

— Он ее отец. Супруг Степан Дмитриев, бизнесмен, кроме всего прочего, владеет фирмой, которая бесплатно помогает всем, кого облыжно обвинили в не совершенном ими преступлении, — громко прочитал лохматый юноша,

глядя в компьютер. — Извините, не утерпел, прогуглил вас. Я Юра Миронов, художник. По левую руку от меня сидит Ада Николаевна, ведущая актриса.

Дама в красном платье поморщилась.

— Юра, при всем моем уважении к вам, я вынуждена опять сделать замечание. Я прима.

— Простите дурака, — тут же стал каяться Юра. — Что с художника взять? Да еще с такого, который на первом спектакле работает? Не разбираюсь я пока в театральной иерархии. Вот Ира кто?

Кудрявая девушка развела руками:

— Я просто актриса.

— Ясно, — сказал Миронов, — но если Ада Николаевна прима, то кто Елена Никитична?

— Дружок мой, кем в театре является дочь его основателя, хозяина и главного режиссера? — с самым невинным видом пропела Ада. — Конечно же, она звезда! Яркая! Неугасимая! Гениальная! Любая роль ей подвластна, от Колобка до Дездемоны. Синтетическая исполнительница. Уникальное явление. Таких, как Лена, единицы. Ей бы в Голливуд. Кстати, Леночка, я сейчас шла на собрание, смотрю, впереди ваша матушка по коридору идет, какой-то мешок тащит. Я крикнула: «Рая! Не носи тяжести, возраст уже не тот». Она не отреагировала. Я догнала ее, взяла за плечо... ба, а это Ирина! Булова с каждым днем становится все больше и больше похожей на Раису. Сейчас она прямо клон твоей ма-

тери. Всегда была блондинкой! И вдруг! В один день стала шатенкой, вместо длинных волос — каре, свитер серый и мешок в руке. Рая номер два. Поразительно, на что молодые девушки идут, чтобы только роль получить.

— На мой взгляд, деление труппы на простых и великих исполнителей нелепо, — заметила Елена. — Думаю, понятно, что есть талантливые и бездарные актеры. А уж у кого какие погоны на плечах, звания, медали и тому подобное, не важно.

Я мысленно ей заплодировала. Ай да умница, сделала вид, будто не поняла, что Ада издевается.

Дверь хлопнула, в комнате появился мужчина в очках, тот самый, что грубо накричал на меня на шоссе.

— Все на месте? — поинтересовался он. — Никто не опоздал? Явиться не вовремя — значит проявить неуважение к коллегам. Приезжать раньше — нецелесообразно. Вот я прибыл точнехонько в четырнадцать, как штык!

Я, молча слушая Горкина, вынула телефон и посмотрела на сообщение от Сони. «Завтра, в тринадцать тридцать. Театр «Семь гномов». Не опаздывай. Режиссер обидчив, как енот, и вонюч, как сунс. Решит, что писательница его не уважает, устроит фейерверк, разнесет все на фиг».

— Где автор? — спросил режиссер, усаживаясь во главе стола.

Я помахала рукой:

— Тут.

Никита Сергеевич прищурился, достал из кармана очечник, водрузил на нос очки и потерял руки.

— Прекрасно. Начнем работать. Итак! Книга «Биография морской свинки». Криминальный роман. Главный герой Никита Павлов погибает на последней странице. Так?

Похоже, Горкин не узнал меня или сделал вид, что не узнал.

— Да, — подтвердила я, — его жена Нина поняла, что убийцей их сына является родной отец.

— Никто не может лишиться жизни собственное дитя! — пафосно заявила Ада. — Это я вам как психолог по первому образованию говорю.

— А вот мне хочется придавить Васю, когда он с утра до ночи и с ночи до утра плачет, — признался Юра.

— Значит, Вася не ваш ребенок, — сказала Ада, — это я вам как психолог по первому образованию говорю.

— Стопроцентно мой, — усмехнулся парень, — сын похож на меня.

— Внешнее сходство ни о чем не говорит, — уперлась прима, — и очень часто это просто кажется. Вы уверены, что жена произвела Василия на свет от вас. Поэтому для якобы папаши мальчик становится якобы его копией. А в реальности...

— У него глаза голубые! — перебил артистку Юра. — Как у меня.

— Смешно! — воскликнула Ада. — У Никиты Сергеевича они того же цвета. Может, он отец Васи?

— Лида никогда с Горкиным не встречалась, — отбивался художник, — она в театре не бывала.

Ада Николаевна сделала широкий жест рукой.

— Москва огромна. Кафе, метро, много людей. Не обязательно ходить сюда. Есть гарантия, что ваша жена ни с кем не встречается? Не завела любовника?

— Вася — мой сын, — пробурчал Юрий.

— Но вы испытываете желание его придушить? — прищурилась Ада.

— Случается порой, — честно ответил парень.

— Родному отцу это никогда и в голову не придет! Это я вам как психолог по первому образованию говорю, — отчеканила актриса, — вы бессознательно понимаете, что мальчик плод левой связи, поэтому руки тянутся к горлу малыша. Но сознательное «я» останавливает порыв...

Мне стало жаль Юру, который явно растерялся, поэтому я вмешалась:

— У каждого отца бывают в жизни моменты, когда он злится на отпрыска. Но в романе нет и речи о прелюбодеянии. Причина смерти Никиты в его...

Горкин оторвал взгляд от экрана телефона.

— Хорошо, когда возникает бурное обсуждение спектакля. Главного героя, законченного мерзавца, которого убивают в самом конце...

— Никита случайно выпал из окна, — остановила я режиссера.

— В книге, — заметил тот, — а в театре мы его чик-чирик!

— Но... — начала я, и тут дверь распахнулась, на пороге появился мужчина.

Поскольку свет бил ему в спину, рассмотреть лицо было невозможно. Но почему-то он казался мне знакомым.

— Отлично! — потер руки Горкин. — Поскольку в коллективе нет ни одного артиста, который может сыграть главную мужскую роль, я решил пригласить звезду со стороны. Прошу любить и жаловать. Идите сюда, наш замечательный друг.

Вошедший молча прошел по комнате, поравнялся со мной, и я икнула.

— Доча! — обрадовался папаша. — Ты как здесь оказалась? Что подельываешь в театре, который ставит пьесы не для всех? Не ширпотребщину, а произведения с глубокой философией. А? Неужели ты посещаешь интеллектуальные спектакли?

— «Семь гномов» ставит пьесу по моей книге, — объяснила я, — а ты, похоже, исполнитель главной роли.

— Вы знакомы? — опешил Никита.

— Отец я ее, — голосом короля Лира возвестил Ленинид. — Качал Виолу в люльке, возил в коляске, менял памперсы.

Я очень хотела сказать правду: меня воспитывала женщина по имени Раиса. Папаша, профессиональный вор-неудачник, кочевал с зоны на зону. Я его впервые увидела, уже став совсем взрослой. И памперсов во времена моего детства в стране не было. Пришлось крепко стиснуть зубы и задушить порыв. Не стоит посвящать посторонних в семейную историю Таракановых¹.

— Помогите! — закричал пронзительный дискант. — Кто-нибудь, скорей!

В комнату влетела растрепанная девушка.

— Никита Сергеевич! — завопила она.

— Успокойся, Анжелика, объясни членораздельно причину твоего безумия, — попросил Горкин. — Что опять? Мышь в гардеробной?

— Хуже, — прошептала девица, мигом становясь ниже ростом.

— Что может напугать тебя сильнее, чем крыса? — без тени улыбки осведомился режиссер.

— Там, там, там, — залепетала Анжелика, показывая рукой в коридор, — там...

— Ну, скажи уже наконец, — велел Юрий.

— Раиса Николаевна убила Иру, — выкрикнула Анжелика.

¹ Биография Виолы подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

Стало тихо, потом приторно-красивый парень, который до сих пор сидел молча и чье имя я пока не знала, задал вопрос:

— Насмерть?

Елена вскочила и бросилась в коридор. Никита Сергеевич крикнул и неторопливо пошел за дочерью.

— Так я и знала, так и знала, так и знала, — твердила Ада, уносясь следом.

— Чего стряслось? — удивился Ленинид.

Юра махнул рукой и ушел, я последовала за ним.

— Подождите. Что случилось?

Художник, не останавливаясь, бросил:

— Вы же слышали, Рая лишила жизни Иру.

Я догнала Юру.

— Кто такая Рая?

— Жена Никиты Сергеевича, — начал объяснять парень. — Раиса Николаевна — очень добрая женщина, всем готова помочь. Я в этом театре не в штате, меня пригласили поработать в этом спектакле, поэтому я не завишу от Горкина. Ну внесет он меня в черный список, если я ему надоем. И что? Платят тут копейки, найду другую подработку. Я не Ада, вот она готова режиссера с головы до ног облизывать, да ей деваться некуда. Не Мерил Стрип она, а отставной козы глухой барабанщик. Никита худший тип руководителя театра: царь, бог, диктатор, эмир, император — все, вместе взятое. Но в реальности «Семь гномов» тащит на себе его жена

Раечка. Реквизит подешевле достать, с прессой договориться, звезду уломать крохотную роль сыграть, программки напечатать, истерики бабские загасить: Рая завхоз, завлит, зав всего. Если нет грузчика, она сама тащит тяжести. Она мотор коллектива. Никита Сергеевич — талантливый человек, но самодур. И похотлив, как старый павиан, не брезгует никем из женского пола. Рокировки в «Семи гномах» зависят от его сексуальных предпочтений. Пару лет назад он с треском выгнал мою бывшую одноклассницу Катю Матвееву, обвинив ее во всех смертных и актерских грехах. Проехал по бедняжке танком, объявил ее бездарью, заносчивой дурой. Да все знали, что Никита пригласил Катюху в кабинет, где у него стоит удобный диван. Матвеева статуэтку Шекспира с полки схватила, козлу по башке долбанула и ушла со словами: «Даже если ты останешься последним мужиком на Земле, не получишь шанса со мной переспать». Горкин выпер актрису. Катя ушла, а через неделю в журнале «Звезда хит» появился огромный репортаж о ее свадьбе с олигархом Барбосиным.

— Смешная фамилия, — сказала я.

Юрий остановился у закрытой двери.

— Ну когда у тебя не один миллиард в кармане, никто смеяться не станет. Горкин локти кусал, никто не знал, что Катя замуж за золотого тельца собирается. Такого спонсора Никита лишился! Но он быстро утешился, взял в труппу Ирину Булову, а та не растерялась, мигом лег-

ла под него. И что удивительно, она уже давно с Никитой в койке краковяк пляшет. Когда мне предложили в спектакле поработать, я Катюхе позвонил, попросил объяснить, что да как в театре. Она мне ситуацию обрисовала, долго вещала, под конец сказала:

— Ты не девочка, к тебе Никитка не полезет. Заплатит мало, но все, что обещано, ты получишь. С деньгами он не жульничает. Вот бабе там, даже если она хромая, косая, осторожно себя вести надо. Можно только удивляться терпению Раечки. Она молча все выкрутасы мужа сносила.

Юрий дернул за ручку, открыл дверь и пробормотал:

— Вумен фирст!¹ Чего-то мне стремно туда входить.

ГЛАВА 3

— Законная жена убила любовницу? — спросил Степан.

— У тебя какие сейчас дела? — поинтересовалась я.

— Хотел выпить чаю в кафе на углу, вечером приедет клиент, — ответил муж.

— Отлично, — обрадовалась я, — мы через пять минут к тебе присоединимся.

¹ Вумен фирст — женщины первые (*искаж. англ.*).

— «Мы» — это кто? — задал ожидаемый вопрос супруг.

— Я приду не одна, а вместе с Леной, дочкой Раисы, — уточнила я, — на вызов из полиции приехал противный мужик, который в первую же секунду твердо решил, что Рая лишила жизни любовницу своего мужа. Сейчас все расскажу в деталях.

— Хорошо, — вздохнул Дмитриев. — Вам какой чай заказать: черный, зеленый? Или твоя спутница предпочитает кофе?

— А мы уже тут, — сказала я, — припарковались на нашей стоянке, бежим в кафе.

— Похоже, Степан — добрый человек, — прошептала Лена, когда я открыла дверь трактира.

— Да, не злой, — подтвердила я, входя в зал, — но он никогда не станет из жалости покрывать убийцу. Ему надо честно и подробно изложить события. Если Раиса невиновна, он сделает все возможное, чтобы справедливость восторжествовала.

Степан помахал рукой:

— Сюда!

Мы поспешили в дальний угол.

— Учитывая, что, кроме меня, в зале есть только одна женщина, не стоило кричать, куда вам идти, — улыбнулся мой супруг.

Лена опустила на стул.

— Можно, я обойдусь без предисловий?

— Давайте, — согласился Дмитриев, он

очень не любит пустых бесед и долгих предисловий.

— Придется начать издалека, иначе вы не поймете всех нюансов, — предупредила Елена.

— Да хоть от сотворения мира, — усмехнулся Дмитриев, — пару часов я совершенно свободен.

— Постараюсь говорить четко, быстро, информативно, — пообещала актриса и завела повествование.

Раиса появилась на свет в семье театрального критика Николая Волкова. Первые годы жизни девочки были чудесными. Любящий папа Коля, добрая мама Лариса, ласковая няня. Родители, правда, постоянно находились на работе. Лариса играла в театре, снималась в кино, Николай летал по стране, посещал разные спектакли, потом писал рецензии. Режиссеры побаивались Волкова, тот мог так разгромить постановку, что мало не покажется. Неприятно же читать в издании с миллионным тиражом, что ты бездарь. Но намного хуже то, что народ, который до сих пор верит прессе, а в прежние времена вообще считал все напечатанное в СМИ руководством к действию, массово перестанет покупать билеты. Коля заканчивал свои разгромные статьи стандартным абзацем: «И вот что я вам скажу: не тратьте средства на поход в храм Мельпомены, где вы увидите дурно написанную и плохо поставленную пьесу. Лучше купите на эти деньги трюфелей да

попейте с ними чаю. Получите от этого удовольствие, а от непотребной пьески вас изжога замучает».

Когда Рая была маленькой, на отца напал с ножом артист Брусков, который из-за рецензии Волкова лишился работы в столичном театре. От тяжелого ранения Николай мгновенно умер. Убийцу схватили на месте преступления, отправили за решетку, признали сумасшедшим, и он сгинул в специализированной психиатрической клинике.

Едва гроб Волкова засыпали комьями земли, как Ларисе пришлось туго. Николай обидел многих, обиженные боялись ссориться с критиком, считая, что у того много своих людей на самом верху, поэтому лебезили перед его супругой. Но стоило Николаю уйти в мир иной, как выяснилось, что настоящих друзей у него не было. Вокруг оказались одни волки, которые не постеснялись отомстить вдове за унижения, которые терпели от ее покойного мужа.

Формально придраться было не к чему. Актрису из театра не уволили, ей платили положенные деньги. Но не давали ролей в новых спектаклях, а в старых заменили другими исполнительницами. Объяснение этому нашлось простое: Ларисе было за сорок, играть Джульетту уже поздновато. И на кого обижаться? Не лучше обстояло дело и в кино, но в этом случае никто не был виноват. Ассистенты режиссеров подыскивают актеров в базе киностудии. Фото

вдовы из нее не убрали. Ну не подходила Лариса ни для одного фильма! Ее даже на пробы не приглашали.

Обычному человеку непонятны душевные муки женщины, которая блистала на сцене и на экране и враз стала ненужной. Для артиста незанятость — самое страшное наказание. Просидев год без дела, Лара, наступив на гордость, попросила главного режиссера:

— Введите меня в спектакль.

— Ларонька, душа моя, — запел тот, — как только появится роль твоего гениального уровня, так сразу.

— Я могу и второстепенную героиню играть, — прошептала актриса, — да хоть «кушать подано» говорить. Верните мне сцену. Я погибаю без нее.

— Ну что ты! Какое «кушать подано», — замахал руками владелец театра, — ты у нас лучшая, уникальная. Непременно появится достойная пьеса. Я помню о тебе. И ты же получаешь зарплату!

Лариса поняла: ей никогда не выйти на сцену в этом театре. Она стала обходить других режиссеров. Но везде с ней беседовали одинаково: очень уважительно, называли «бриллиантом», но... «ролей вашего уровня у нас пока нет. Мы сразу позвоним, как только появится подходящая пьеса». К сожалению, Николай ухитрился оскорбить всех главных режиссеров Москвы и Питера. Уехать в провинцию и стать

ведущей актрисой в городке с пятью тысячами населения? Получать от благодарного зрителя три ромашки и шоколадку? О нет! Это хуже, чем упасть на дно.

Как поступила вдова? Начала пить. Вся зарплата уходила на выпивку за считанные дни. От няни для Раи пришлось отказаться. Скоро Волковой стало все равно, чем дочь питается, как одевается, когда ложится спать... Мир актрисы сузился до поллитровки, ее волновало только одно: сегодня есть что налить в стакан?

Неизвестно, как сложилась бы судьба Раи, да девочку взяла под свое крыло учительница математики Валентина Сергеевна. У нее было трое детей, но Раечка не стала лишней. Педагог на пару дней умудрилась привести Ларису в трезвое состояние, отвела ее к нотариусу, и актриса подарила свою кооперативную квартиру дочери. Вот поэтому Раечка не стала бомжихой, мать не могла продать жилье. Умерла Лариса, когда дочь получила аттестат об окончании школы. Рая поступила на экономический факультет, куда ее пристроила все та же Валентина Сергеевна, она дружила с деканом.

После защиты диплома Рая встретила Никиту, нищего, бесштанного молодого режиссера из провинции, который обивал пороги театров и киностудий, пытался получить хоть какую-то работу. Парень ночевал у друзей, а когда те не могли пустить его поспать на полу на кухне, коротал ночи на вокзале.

Любовь Раи и Никиты расцвела буйным цветом, молодой человек получил постоянную прописку, заботливую жену, чистую постель, вкусную еду. Вскоре после женитьбы Никита перестал походить на оборванца и плохо пахнуть, он теперь пользовался дорогим одеколоном.

Как известно, по одежке встречают. Когда в кабинет к какому-нибудь маститому режиссеру вваливается не особенно аккуратный юноша в грязных мятых брюках и бубнит: «Здрасте. Я хочу у вас поставить пьесу. Окончил институт в городе Фиговске, невероятно талантлив», то, понятное дело, от такого типа стараются побыстрее избавиться. Раечка, осознав проблему, определила супруга на режиссерские курсы. Спустя пару лет поиском работы занялся хорошо одетый москвич с постоянной пропиской в центре города, с дипломом о получении второго профильного образования в столичном вузе. Изменение внешности Никиты, обучение его в институте — все это далось не даром. Раечка пахала день и ночь, в семье тогда уже появилась Леночка, на содержание которой тоже требовались немалые деньги. Но Волкова не чувствовала никакой работы. Днем она сидела в бухгалтерии, ночью мыла полы в поликлинике, рано утром драила подъезды.

В конце концов Никита устроился помощником режиссера в театр, Леночка росла, Рая сияла от счастья.

Горкин оказался талантлив, он быстро вскарабкался на вершину успеха и решил организовать свой театр. Теперь у него их два! «Семь гномов» и «Созвездие Никиты».

Лена прервала свой рассказ.

— Папа — добрый человек, он готов помочь многим, у него масса знакомств, его любит пресса, телевидение. Отец говорит, что устал от тусовок, посещает их исключительно по необходимости. Но на самом деле ему нравятся вечеринки. Мама на них не ходит, она находится в тени мужа. Но папин успех на девяносто процентов зависит от мамы. Если отцу сообщают о какой-то проблеме, ну например: закапризничала актриса, крыша у театра протекла, нет хорошей пьесы, зритель не идет на спектакль... Что он делает? Как по-вашему?

— Ну не знаю, — пробормотала я, — вызывает психолога к капризнице, строителей для починки крыши, звонит драматургам, нанимает журналистов, чтобы пиарить новый спектакль.

— Не угадали, — мрачно улыбнулась Лена, — отец кричит: «Рая, иди сюда!» Мама приносится на бешеной скорости, муж сообщает ей о задаче. И успокаивается, теперь он твердо знает: супруга все наладит. Да такую жену надо на руках носить. Но, к сожалению, отец подхватил весьма распространенный в актерской среде вирус под названием «Гениальный гений». Он напрочь забыл, что для нищего парня сделала его жена, стал считать ее секретарем, пресс-а-

гентом, пиарщиком, своим адвокатом, домработницей, заведующей литчастью, поваром... Тьма должностей досталась моей матери.

Лена умолкла, осушила свою чашку и продолжила рассказ. С каждой ее новой фразой я все сильнее жалела супругу Горкина.

Быстро став маститым режиссером, Никита Сергеевич столь же стремительно изменился. Теперь он посещал самые дорогие рестораны, покупал парфюм за нереальные деньги. Одевался Горкин на первый взгляд просто, но московские модники прекрасно знали, сколько стоит такая простота. Из большой квартиры Раи семья переехала в огромные роскошные хоромы. Теперь муж и жена поселились в разных спальнях, и у Раисы оказалась самая маленькая комната.

— Мне некомфортно в большой, — твердила Рая, — я люблю уютные крохотные помещения.

На парковке у дома стояли шикарная машина Никиты и копеечная малолитражка Раечки. Думаете, муж жалел денег на супругу? Никита неоднократно просил жену:

— Давай выкинем консервную банку на колесах. Купим тебе новую, соответствующую твоему статусу машину. Отправь на помойку жуткий пуховик, надень шубу. Приведи себя в порядок. Что у тебя на голове? Кошки там барбоса хоронили и с его родней передрались? А обувь? Мама миа! Твои сапоги старше египетской пирамиды.

— Зачем мне новая тачка, если старая прекрасно ездит? — отбивалась Рая. — В шубе жарко и за рулем сидеть неудобно. В пуховике комфортнее. Волосы мне по-модному Олечка стрижет, я к ней давно хожу. Сапоги удобные. Что еще надо?

И, как уже говорилось, Рая не любит вечеринок. Всякий раз, когда ей приходится сопровождать мужа, она появляется перед толпой журналистов с таким несчастным видом, что те потом ехидничают, обсуждая кривую улыбку Горкиной. И платье на ней немодное, и обувь с сумкой не от дорогого бренда, а волосы неизменно укладывает все та же криворукая Оленька. Рая с завидной регулярностью оказывалась в списках хуже всех одетых знаменитостей, которые составляла пресса. Один раз жена Горкина приняла участие в телепрограмме, где стилисты переодевали людей. Она согласилась на это после долгих уговоров, и только тогда, когда муж догадался сказать:

— Пойми, нам нужна эта съемка для пиара театра.

Перевоплощение удалось на все сто, Раячка помолодела лет на двадцать, стала хорошенькой, почти такой, как в юности. Никита пришел в восторг от вида жены, Лена хвалила маму, знакомые, которые видели передачу, осыпали Раю комплиментами. Но когда она пришла из студии домой, все вернулось на круги своя.

То, что Никита не самый верный муж, ни для кого не секрет. Мало кто осуждал Горкина за «неустановленные» отношения с молодыми красивыми актрисами. Никита влюблялся, будто с небоскреба падал. Он начинал везде появляться с очередной избранницей, которую представлял всем: «Моя новая студентка, очень талантливая актриса». Симпатяшка вводилась во все спектакли Горкина и думала: «Жизнь удалась, Никита вышвырнет Райку, как старые тапки, женится на мне, я получу все главные роли, связи и деньги режиссера». Нос у очаровашки задирался выше горизонта, она хамила другим артистам, костюмерам, гримерам, вела себя по-хозяйски.

Окружающие только улыбались, все знали: Никита никогда не бросит свою супругу, а главная звезда всех постановок Горкина — его дочь Елена. Любовница более трех-четырёх месяцев не продержится. Так оно и было. Вскоре девица исчезала. Вместо нее появлялась очередная «очень талантливая» студентка.

Как к изменам мужа относилась Раечка? Никак, она их не замечала, миролюбиво беседовала с очередной фавориткой супруга. Поскольку Никиту интересовали только особы не старше двадцати пяти лет, многие симпатяшки поначалу не знали, что милая тетушка в спортивном костюме — законная супруга Никиты Сергеевича, принимали ее за обслуживающий персонал, капризно выговаривали ей:

— Вы принесли в мою примерку холодный чай, поменяйте на горячий.

Рая извинялась, приносила другую кружку. Потом кто-нибудь объяснял нимфе, кого она гоняет в буфет, и очень веселился, наблюдая, как вытягивается по-детски щекастое личико.

Что на самом деле испытывала Рая, никто не знал, но большинство окружающих пребывало в уверенности, что она прекрасно знает: Горкин без нее как без рук, ног и мозга, если она бросит мужа, оба его театра мигом разорятся.

Когда в жизни Никиты появилась Ирина Булова, понятное дело, никто и ухом не повел. Ну еще одна очередная. Знаем, знаем, уже сто раз это проходили. Но Ира неожиданно оказалась иной, чем ее предшественницы. Булова держалась скромно, по тусовкам ходила без радости, в объектив папарацци не лезла. Одетая в маленькое черное платье, она скромно стояла у стены, ожидая, когда Никита наобщается со всеми и вспомнит про нее. Подарков у Горкина не просила, бриллиантами не украшалась, в шубы не куталась, о главных ролях не мечтала, искренне радовалась возможности выйти на сцену со словами:

— Сэр, вас ждут в гостиной.

Ира мало разговаривала, не плела интриг, никого не обижала, и... она бегала Раечке за чаем, подолгу сидела у нее в кабинете. Вскоре местный люд понял: жена и любовница подружились. Это было странно даже для закулисья, в котором водятся разные твари. Языки

местных кумушек заработали с фантастической скоростью. Понятное дело, при Лене никто про ее мать не сплетничал, но между собой актеры постоянно обсасывали горячую тему. Как-то раз младшая Горкина шла мимо буфета и случайно услышала беседу.

— Райка прикидывается, — вещала гримерша Света, — она ненавидит Ирину.

— Не, они подруги! — возразила костюмерша Катя.

— Ерунда, — возразила актриса Евгения Капина, — они просто договорились. Раисе надоела карусель баб, Никита на них тьму денег тратит, от семьи средства отрывает. Ирка же на все пойдет, лишь бы в Москве зацепиться. Вот Раиска ей и предложила: «Спи с моим мужем сколько хочешь, но развода он не получит». Они скоро станут жить веселой шведской семьей. Ирина родит ребенка, Райка ему памперсы менять будет.

— Жесть! — выпалила Света. — Ну как можно на это согласиться? Ирка дура!

— Ты москвичка, — вздохнула Евгения, — а Булова из Хрюшинска Задрипинской области. Ей надо зацепиться в столице.

— Не! Никита скоро пошлет Ирку, — безапелляционно заявила Светлана. — Наташка, жена Вадика Раевского, видела Горкина в ресторане с какой-то молодой задницей, и это была не Ирка. Капец любви вот-вот настанет. Новая фаворитка на пороге.

— Давно пора, — высказалась Женя, — скоро год их амуру. Дольше никто пока не продержался.

— Рекордсменка! — хмыкнула Света. — Медаль ей на тощие сиськи.

Вот только злые языки ошиблись. Минуло еще двенадцать месяцев, а Ира по-прежнему была с Никитой, пила чай с Раечкой. Последняя вдруг похорошела, стала модно одеваться, изменила прическу. А потом все ахнули: Рая появилась на работе с профессионально сделанным макияжем и красиво уложенными волосами. При виде разительно переменившейся жены Горского Ада Николаевна не выдержала и, как-то стоя в туалете у умывальника, сказала Лене:

— Твоя мать — прямо белый лебедь.

Дочь прикинулась непонимающей:

— Вы о чем?

— Не изображай, у тебя это плохо получается, не верю, — ехидно засмеялась Ада. — Хочешь сказать, что не видела маман с накрашенными глазами? Да Рая часа два у стилиста просидела. Эффект того стоил. Ты не в курсе, она теперь всегда в таком образе нам являться будет? Или по особому случаю вполне себе ничего стала?

Лена не сразу нашлась что ответить Аде, которую в театре за глаза звали «жаба в шоколаде».

И тут из кабинки вышла Ира, она сразу заговорила:

— Макияж Раисе Николаевне сделала я, училась когда-то на стилиста. Совсем немного времени потратила, полчаса всего. Жена Никиты Сергеевича очень красивая, умная... — Ира на секунду прервалась, потом, бросив многозначительный взгляд на толстый живот Ады, договорила: — Фигура у нее девичья, ума, тактичности, трудолюбия на пятерых хватит. Она для меня — пример идеальной жены, матери, сотрудницы. А Лена — образец актрисы. Я счастлива, что они не побрезговали включить в свою семью провинциальную глупую девочку, то есть меня. Дали мне приют. И я всегда буду им благодарна.

Потом развернулась и ушла. Ада Николаевна осталась с раскрытым ртом. Лена пошла к двери, и тут Днепрова крикнула:

— Мелкая дрянь живет у вас?

Елена обернулась:

— С одной стороны, да, с другой — нет. Ирина снимала комнату в коммуналке на краю столицы, где время уже не московское. Очень уставала. В театр ездить — два часа, соседи шумные. А у матери пустая квартира, она ей от родителей досталась, мы там жили до того, как в новые апартаменты переехали. Мамуля Ире ключи дала, Булова теперь там бесплатно устроилась. Вот и выходит, с одной стороны, живет Ира у нас, а с другой — нет. Не на одной территории с нами.